

Б. Ф. ЕГОРОВ

Об элементах диалогизма и толерантности в древнерусской культуре

Умение слушать другого, терпимо относиться к чужому мнению, вдумчиво и доказательно возражать, учитывая противоположные взгляды, — замечательные достижения интеллигентской культуры нового времени, последних столетий, нашедшие свое теоретическое обоснование в учении М. М. Бахтина о диалоге. Характерно, что именно бахтинская интерпретация, особенно подчеркивавшая толерантность, открытость, разнообразие мира, а не другие подобные учения XX в. (ср., например, глубокие идеи в книге М. Бубера «Я и Ты»), приобрела такую международную известность. А самые крупные философско-культурологические идеи второй половины XX в., воплощенные в трудах Н. Винера и И. Пригожина, фактически развивают «диалогические» принципы Бахтина.

В истории человечества почти всегда оказывалось, что смутные предтечи, зародыши будущих великих открытий и учений возникали намного раньше последних, иногда раньше на целые века и даже тысячелетия. Например, в древнекитайской философской антиномии «инь—ян», в платоновских диалогах можно усмотреть зародыши диалогических учений XX в.

Были ли подобные явления в истории России? Казалось бы, общий характер древнерусской культуры был сурово монологический и сингуляристский, т. е. антиплюралистский: носители определенных мировоззренческих систем выступали как бы от имени самого Господа Бога, утверждали истину в последней инстанции, были убеждены в своей единственной и непоколебимой правоте, часто готовы были идти на смерть за свои убеждения. Достаточно вспомнить Иосифа Волоцкого, Никона, Аввакума, боярыню Морозову. И, казалось бы, именно эта тенденция всегда была главенствующей в русской жизни: потом пошли поколения революционных демократов, марксисты, а от другой «стенки» — митрополит Филарет (Московский), Победоносцев, Катков, а с третьей стороны — Лев Толстой... В этом окружении, в этом мощном потоке либеральная толерантность выглядела высыхающим ручейком.

Но все-таки и в древнерусской культуре можно найти зародыши диалогизма и толерантности (оговоримся, что не всякий диалог автоматически означает терпимость к чужому мнению и взаимопониманию: может быть и диалог «глухих», спор непримиримых, может быть и «интеллигентское» противостояние глухой нетерпимости; в последнем случае уже, хотя бы односторонне, возникают элементы диалогизма, т. е. диалога в бахтинском смысле; так, например, в долгих печатных, письменных,

устных спорах Горького с Лениным и Сталиным последние даже и не собирались вникать в аргументы оппонента, а Горький не только уповал на переубеждение своих корреспондентов, но и пытался понять их принципы; конечно, сами по себе призывы к диалогу вовсе не обязательно означают желание диалогизма и толерантности: если шайка уголовников разграбит дом или страну, а потом призовет хозяев сесть за стол переговоров, то не приходится ждать взаимопонимания).

Замечательно предположение Д. С. Лихачева о диалогической природе «Слова о полку Игореве», о наличии двух разных голосов певцов-исполнителей, двух разных поэтических позиций,¹ причем не антагонистически непримиримых, а творчески споривших на равных, дополнявших друг друга.

История сохранила нам и несколько эпистолярных споров. Некоторые из них, скажем, полемика Иоанна Грозного с кн. Курбским, практически не содержат диалогизма, слишком они «глухие» друг к другу, в некоторых же элементы диалогизма можно обнаружить. Особенно интересен с этой точки зрения спор Иосифа Волоцкого с «кирилловскими старцами».

Иосиф представляет здесь чисто «глухую» сторону. Он был сторонником жесткой карательной политики по отношению к сомневающимся и выражающим неканонические религиозные идеи. В послании к наследнику престола великому князю Василию Ивановичу, поддерживавшему политику казней, в программном «Просветителе» Иосиф Волоцкий пропагандирует, ссылаясь на библейские эпизоды и события из жизни византийской церкви, жестокие расправы над еретиками и отступниками: заточение, сожжение, вообще любого рода «лютые казни».

Хотя Иоанн III умер в 1505 г., но, видимо, уже в первые годы нового века фактическим правителем России был его сын Василий, и с его помощью Иосиф Волоцкий добился сурового соборного приговора 1504 г. и массовых казней еретиков: были сожжены руководители (в Летописи названы шесть лиц, а кроме того, «и иных многих еретиков сожгоша») и заточены рядовые участники.

Характерно, что содружество великого князя и видного церковного деятеля покупалось сознательным подчеркиванием со стороны Иосифа Волоцкого, что высшая власть в церковной сфере принадлежит государю: уже в начале XVI в. у русской православной церкви начали отнимать самостоятельность!

Любопытно еще, что новгородский архиепископ Геннадий, предшественник и соратник Иосифа по кровавым акциям усмирения инакомыслящих, опирался на католическую инквизицию: «У Геннадия в этом вопросе были прямые инструкторы с латинского Запада», в том числе посол австрийского императора Николай Поппель; Геннадий сообщал митрополиту Московскому Зосиме: «Сказывал ми посол цесарев про Шпанского короля (Фердинанда II Католика), как он свою очистил землю».²

Увы, много потом и на Руси находилось охотников очищать землю от недругов...

Разумеется, трудно было вести полемический диалог с представителями инквизиционной политики по отношению к инакомыслящим, да еще обладавшими всесильной репрессивной властью. И все-таки «кирилловские старцы» полемизировали, подчеркивали в своем ответе Иосифу Волоцкому, что принципы Христа — доброта, милость, снисхождение; ради грешников Он

¹ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // РД. 1984. № 3. С. 130—144.

² Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 1. С. 495, 496.

сошел на Землю, чтобы отыскать их и спасти; тогда господствовал Ветхий Завет, но «нам же в новѣй благодати яви владыка Христос любовный съюз, еже не осужати брату брата о томъ, но единому Богу судити согрешенна человека».³

Старцам хватило духу и смелости еще и пошутить над Иосифом, пошутить достаточно ядовито. Тот требовал «лютой» расправы над недругами и приводил в качестве «святого» примера, как катанский епископ Лев связал еретика епитрахилью и сам втащил его в огонь, где и смог пребывать, пока еретик не сгорел. Кажется, еще ни одному агитатору идти в огонь за честь отчизны не предлагали самому совершить подобный подвиг, как это сделали старцы в своем ответе Иосифу: «А Левъ, господине, катанский епископъ Леодора волхва петрахилью связа и созже (...). И ты, господине Осифе, почто не испытаешь своей святости? Не связа Касиана архимандрита (сожженного недавно еретика. — Б. Е.) своею мантиею, донележе бы он сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его связана держалъ! И мы бы тебя, яко единого от трех отрок, из пламени изшедша, приняли».⁴

В духовной свободе полемики, в защите человека, в смелом вызове всесильным иерархам, которые вполне могли стать обвинителями и палачами по отношению к пытавшимся спорить, тоже можно видеть зародыши будущего диалогизма.

Конечно, это лишь отдаленная предтеча «бахтинского» диалогизма. Однако нельзя представлять пушкинскую открытость «чужому» и его широту мысли, терпимость русских либералов середины XIX в. к самым различным идеям и т. д. как чуждое национальных истоков явление. Даже в тяжелой по своему монологизму (сингуляризму) древнерусской культуре можно найти элементы диалогизма и толерантности.

³ ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 360.

⁴ Там же.